

Николай ПЕТРОВ

ФОТОТЕКА «ВМ»

«После некоторых книг хочется повеситься»

Встр. Москва — 2003 — 3 дек. — с. 6

4 декабря станет известно имя нового, двенадцатого по счету лауреата одной из самых престижных в России литературных премий. В этом году в букеровское жюри в качестве так называемого представителя общности вошел знаменитый пианист Николай Петров. В прежние годы в этой роли выступали Алла Демидова, Сергей Юрский, Дмитрий Бертман, Александр Городницкий. Предстоящее событие — отличный повод поговорить с Николаем Арнольдовичем Петровым о литературе. И не только о ней.

— Что было вначале, я имею в виду, в начале вашей жизни, в детстве — музыка или литература?
— Конечно, музыка. Я слушал и знал наизусть множество оперных арий из «Ивана Сусанина», «Русалки», «Бориса Годунова», «Руслана и Людмилы» и так далее. Но одновременно бабушка читала мне сказки и стихи. В том числе свои собственные, очень талантливые.

Она не только сочиняла тексты и аккуратнейшим образом перепечатывала, но и сама их иллюстрировала. А затем все это переплетала.
— Недавно наша газета провела опрос, целью которого было определить лучшие романы всех времен и народов. Не поучаствуете ли задним числом и вы?
— Безусловно, это «Мастер и Маргарита». «12 стульев» и «Зо-

лотой теленок». «Бравый солдат Швейк». Хотя это и не роман, назыву практически все творчество Михаила Зощенко. На нем я воспитан с детства. Многие знал да и теперь еще помню наизусть. Эти книги всегда лежат так, чтобы можно было взять — и еще раз перечитать. И снова найти что-то новое.
— Неужели на полочке любимых книг за долгие годы не появилось ничего нового?
— С определенного момента жизнь моя чрезвычайно индустриализировалась и ускорилась. И в меня очень тяжело стала лезть классика. Все эти поздние приходы, недосыпы, бесконечные путешествия, все эти автобусы, самолеты, поезда... Я не представляю, чтобы рука протянулась — и взяла перечитать, например, «Отцы и дети» Тургенева. Увольте! Читаю ту литературу, которая на слуху. Например, Пелевина. Или обычное чтение. Совершенно не переносу Ма-

ринину, но с удовольствием читаю серию про Турецкого. Очевидно, это пишут очень талантливые ребята. Хорошо владеющие языком, фабулой и так далее. И вот я иногда лежу в гостиничке, прочитаю три-четыре странички — и спать.
— Есть литература, напрямую связанная с музыкой, с конкретными музыкальными, более того — с фортепианными произведениями. Например, «Гранатовый браслет» Куприна. Или «Крейцеров соната» Льва Толстого. «Литературность» как-то отражается на исполнении произведения?
— Пожалуй, нет. Я нахожу в музыке то содержание, ту фабулу, которая в данный момент рождается внутри моего мыслительного аппарата, внутри моей музыкальной души, внутри моего метафизического (хоть я и не очень-то признаю это понятие) нутра. Ведь почему большинство людей не нравятся экраниза-

ции, предположим, тех же «12 стульев»? Потому что у каждого внутри свой собственный Остап Бендер. И ни Гомиашвили, ни Миронов, ни Юрский, ни, тем более, Крылов с ним не совпадают. Редчайший случай совпадения — это Василий Ливанов и Виталий Соломин в сериале про Шерлока Холмса. Я бы за этот casting дал Нобелевскую премию.
— Что для вас было определяющим при оценке литературных произведений, когда вас пригласили в жюри самой престижной в России литературной премии?
— Увы, пришлось прочитать огромное количество скуки. Литература может быть какой угодно, но она непременно должна обладать одним качеством: увлекательностью. Если взять элитные кинофестивали, то фильмы, которые на них побеждают, наверное, потрясающие — с точки зрения специалистов. А с точки зрения зрителя — чудовищно скучны. И в литературе то же самое. Вот я беру книгу солидного издательства, в аннотации сказано: когда вы закроете эту книгу, вам сразу же захочется открыть ее снова. Читаю 30 страниц — и совершенно неохота читать дальше, а не только что перечитывать.
— Неужели вы прочитали весь огромный лонг-лист?
— Буду абсолютно честен. Для того чтобы определить, хороший пианист или плохой, мне совершенно не нужно два часа сидеть на его концерте. Вполне достаточно прослушать две части сонаты Бетховена, чтобы увидеть: сидит полный идиот. Или — большой музыкант. Я имею основания считать себя достаточно начитанным, грамотным человеком. И когда я читал эту исповедь проститутки... Знаете, что интересно? Я спросил членов жюри, на каком месте они прекратили читать эту книгу. Оказалось, что на одном и том же месте, где идет описание сада-мазо.
— А! Так вы о книге Юлии Беломлинской «Бедная девушка»? Так я сразу написала, что не поняла, как такое вообще могло попасть в лонг-лист.
— Это циничная гадость, хамство, разврат. Поверьте мне, я отнюдь не ханжа. И вначале мне было даже занятно. Но страниц через 70 стало просто скучно.
— Стало быть, во главе угла для вас увлекательность. Сколько в лонг-листе было увлекательных вещей?
— Поразительно мало. Взять хоть ту же «Казарозу». Да, занятно, но не то чтобы ах. Или другая вещь, очень сильная, но уж такая чернуха, что после нее хочется пойти и повеситься! Вот толстушая книга. Начинаю читать — и вдруг чувствую: я это уже читал. Раньше, давно. Вспоминаю: была такая чудная книга «Борьба за огонь». Помню, как я ею зачитывался! А здесь та же история, только по-

священная ханты и манси, размазана на 675 страниц.
— Вы, конечно, понимаете, какая ответственность ляжет на вас, если у критиков сложится расклад 2:2, и ваш голос окажется решающим?
— Если бы там было хотя бы одно сочинение, которое можно было бы поставить рядом... ну хотя бы с «Тремя товарищами», с «Над пропастью во ржи» — я не беру совсем уже давнюю классику. А так я не вижу в этом шорт-листе ни одного произведения, которым можно было бы зачитаться. Даже просто дочитать до конца. Я ужасно огорчен этим. Как-то я был членом жюри фестиваля «Киношок», и ощущение было абсолютно таким же: если это детектив, то он должен быть таким, как «Место встречи изменить нельзя». Или «Бригада» — я говорю о профессионализме, а не о том, что там романтизируется преступный мир.
— И все-таки. Вот 2:2. И ваше мнение — решающее...
— Так я постараюсь его высказать раньше или позже. Мое мнение — это ведь vox populi, глас народа. Это все равно как продюсера пригласить судить конкурс Чайковского.
— Но уже была такая ситуация, когда гласом народа был Дмитрий Бертман — и его мнение оказалось решающим. Очень многие потом его пинали.
— Меня слишком много в моей жизни пинали. Это меня меньше всего пугает. Я переживу. А потом, мы дважды встречались: все вместе. И это удивительно: все люди разные, и по возрасту, и по взглядам, но атмосфера была вполне консенсусная.
— Продолжите ли следить за современной литературой, когда все это закончится?
— Во-первых, мы останавливаемся возле киоска и покупаем то, на что глядят глаза. Во-вторых, кто-то обязательно звонит и говорит: «Старик! А ты читал такой-то роман в таком-то журнале?» И ты идешь и начинаешь искать. Вот я не могу найти одну книгу, которую я начал читать в Америке. Называется «Конец Буревестника». Мне пришлось ее отдать, не дочитать. И с тех пор нигде не могу достать! Вот если бы такая книга оказалась в шорт-листе Букера, у меня бы не было сомнений, кому отдать свой голос. А вот вы читали все эти произведения?
— Не все...
— Был ли роман, который бы вы прижали к груди, и в три часа ночи хотелось бы читать еще и еще?
— Мне очень понравился не вошедший в шорт-лист роман Дмитрия Быкова «Орфография».
— Он достаточно интересен. Но безумно длинный! Кстати, я голосовал за то, чтобы он вошел в шорт-лист.
Беседовала
Юлия РАХАЕВА